

продолжает изучение фольклора. Обращается к жанру поэмы, одну за другой создает поэмы на различные темы современности: «Свирь» (1965), «После Победы» (1976), «Злата Прага» (1979) и др. Как сказал о нем В. Сорокин: «и богат он щедростью воспринимать и делиться, удивляться и находить» (Огонек. 1974. № 38. С. 15). Он пишет добрые предисл. к книгам А. Боброва, В. Богданова, В. Туркина, Н. Журавлева, В. Замятина и др. поэтов, отзывается в печати о стихах В. Казанцева, В. Кузнецова, А. Прасолова и др. Пишет о Н. А. Некрасове, С. А. Есенине, М. М. Пришвине, Н. Н. Асееве, особенно примечательны воспоминания о Б. Пастернаке «Собеседник рощ» (Юность. 1989. № 11). Еще до войны Б. был увлечен «высоковольтной правдой» творчества А. Платонова, ему посвящена статья Б. «Высокое слово Андрея Платонова» (Лит. Россия. 1989. 24 марта).

Расширяя свой творческий диапазон, Б. обращается к переводам, дает вторую жизнь на русском яз. стихам поэтов разных народов СССР: А. Граши, К. Герасименко, М. Грубияна, С. Данилова, П. Заднипру, М. Квливидзе, А. Копштейна, И. Тарба, С. Чиковани. В 1963 издает книгу прозы «Над рекой Истермой».

Как художник истинно народного склада, Б. не чужд также юмора и сатиры — раешника, частушки, сатирических жанров. Книга «Частушки родины Шукшина» не случайно вышла в 1986 в Барнауле с предисл. Б.

Поэт верен теме патриотизма, теме России как матери-Родины. В новых стихах он пишет: «Время смутное, сатанинское, / Балом правят карман и обман. / Русь родная! Заступница близкая / — Ты одна!» (Наш современник. 1993. № 7. С. 47). Вновь возникает образ Пушкина, постоянного спутника Б. Пушкин для него «поэт поэтов», «высокий свет» России.

Современники так определили главное в поэзии Б.: «...знание необъятной Родины с ее городами и весями, лесами и реками вошло в плоть и кровь лучших стихов Бокова» (Гринберг И.— С. 243); «...Виктор Боков самый народный поэт после Александра Прокофьева» (Сорокин В.— С. 37); «...ритмическая неординарность, может быть, самая примечательная черта поэтики Бокова» (Михайлов Ал.— С. 134). Источником же ритмических вариаций, усиливающих эмоциональное воздействие на читателя, служит осваиваемое поэтом частушечно-песенное богатство русского фольклора. И перед читателями новых поколений поэт предстает «мастером, вобравшим в себя лучшие традиции русской

поэзии, убежденным собеседником, думающим о России, о ее и своей нелегкой судьбе, любви и милосердии» (Что думалось и пелось. 4-я с. обложки).

Соч.: СС: в 3 т. М., 1983–84; Избранные произведения: в 2 т. М., 1975; Весенние звоны; Высокое слово Андрея Платонова // Лит. Россия. 1989. № 12; Собеседник рощ // Юность. 1989. № 11; Высота духа // Слово. 1990. № 7; День за днем...: стихотворения. М., 1991; Великий Берендей // Воспоминания о Михаиле Пришвине. М., 1991. С 104–110; Стою на своем!: стихи. М., 1992; Воспоминания о Марине Цветаевой. М., 1992. С. 524–525; Воспоминания о Борисе Пастернаке. М., 1993. С. 347–352; Что думалось и пелось: Избранные стихи и песни. М., 1994; Любовь моя, Россия! М., 1994; Россия в сердце не случайна: Избранные стихи. Ставрополь, 1997; Травушка-муравушка: Новая книга стихов. Оренбург, 1997; «Я в России живу не гостем...»: Образ совр. России в эпистолярной и лирике В. Бокова / публ., вступ. статья и комм. В. М. Головки // Вестник Ставропольского ун-та. 1997. Вып. 10; Я готовлю тебе воскресение... // Дальний Восток. 1998. № 7; Жизнь — радость моя: Избранное. М., 1998; Повечерье: Новая книга лирики. М., 2000.

Лит.: Рыленков Н. Традиции и новаторство. М., 1962. С. 120–121; Федоров Вас. Наше время такое... М., 1973. С. 439–440; Платонов А. Размышления читателя. М., 1980. С. 92–96; Михайлов Ал. Тайны поэзии М., 1980. С. 134–139; Гринберг И. Труд и вдохновение. М., 1983. С. 233–248; Сорокин В. Благодарение. М., 1986. С. 33–47; Творчество Андрея Платонова. СПб., 1995. С. 163–164, 173–176, 194–205; Шошин В. А. Стою на своем! // Вестник Ставропольского ун-та. 1998. Вып. 14; Бобров А. А. Россия, Переделкино, Бокову: К 85-летию Виктора Федоровича Бокова // Русский дом. 1999. № 10; Головки В. М. Три встречи: Лит.-критические очерки. Ставрополь, 2001; Головки В. Побудь со мной на высоте // Лит. Россия. 2002. № 34.

В. А. Шошин

БОЛДЫРЕВ (настоящая фамилия Шкотт) Иван Андреевич [1(14).11(по др. данным 30.10(12.11)).1903, Москва — 19.5.1933, Париж] — прозаик.

Б. происходил из семьи обрусевших шотландцев. Предок Б. Джеймс Шкотт приехал в Россию в начале XIX в. для внедрения сельхозтехники. Его сын Александр — агроном и механик — был женат на тетке Н. С. Лескова А. П. Алферьевой и оказал сильное духовное влияние на молодого писателя, пробудив в нем интерес к изучению русской жизни. Он изображен в целом ряде произведений Лескова («Мелочи архиерейской жизни», «Железная воля», «О квакерах», «Загон», «Продукт природы», статья «О крестьянских вкусах»).

Б. родился в семье служащего Гос. контроля железных дорог. В 1920 окончил 49-ю трудовую советскую школу 2-й ступени, бывшую Московскую 4-ю гимназию. В 1921 поступил на физико-математический ф-т Московского ун-та, где участвовал в кружке, ориентировавшем студентов на академические занятия в противовес увлечению политикой. Весной 1924 был арестован и по обвинению в антисоветской деятельности сослан в Нарымский край. Весной 1925 совершил беспрецедентный по смелости побег. Нелегально выехал из Колпашева в Томск. Оттуда вместе с другим ссыльным — контрабандистом — преодолел сотни верст пешком и на лодке, через Сибирь и Европейскую Россию добрался до советско-польской границы, которую нелегально перешел 1 окт. 1925. В Польше был арестован, но вскоре отпущен на свободу и в янв. 1926 вместе с партией рабочих выехал во Францию.

С 1927 Б. жил в Париже. Зарабатывал на жизнь тяжелым физическим трудом (работал на заводе в пригороде Парижа Коломбель, в железнодорожном депо в Иври и т. п.). О характере своей работы сообщал писателю А. М. Ремизову: «Я работаю постоянно на сквозняке или иногда приходится под дождем все восемь часов». Кроме того, Б. занимался кустарным производством украшений и сумок, инкрустированных кожей и металлом. Часть заработанных денежных средств Б. удавалось пересылать матери в Россию. В Париже он решил продолжить учение и поступил на курсы технического ин-та. Одновременно Б. пробовал писать. Он один из первых участников лит. кружка «Кочевье». Лит. учителем и другом Б. стал А. М. Ремизов, пытавшийся оказать помощь в публикации его произведений. Сохранились сведения о рассказах Б.: прозаическом цикле **«Безумие»**, состоящем из миниатюр, связанных главным героем — сумасшедшим; рассказах **«Анюта»**, **«Амазонки»**, **«Ганя»**, **«Цветная сумятица»**, **«Записки Ивана Степановича»** и др. Попытки их публикации не удались, и тексты, по всей вероятности, были уничтожены автором, предъявлявшим максималистские требования к своим произведениям.

В 1929 изд-во М. Осоргина «Новые писатели» издало повесть Б. **«Мальчики и девочки»** (отрывки опубл.: Воля России. Прага. № 7. С. 3–29; № 11–12. С. 3–25), которая имела шумный лит. успех. Она была основана на личных воспоминаниях автора о «единой советской трудовой школе», в которую при советской власти трансформировалась «мужская классическая гимназия». Место

и время действия повести — Москва 1919–20. Герои — старшекласники, бывшие гимназисты и гимназистки, перед окончанием школы объединенные для совместного обучения, и «старорежимные» педагоги, продолжающие учить детей в новых условиях. Повесть — произведение о болезненном сломе русской жизни, изображенном через восприятие 15–16-летних подростков. Герои Б. — представители обычной интеллигентской молодежи, еще не испытавшей воспитательного воздействия большевистской идеологии. Автор тонко показал особенности юношеской психологии героев: их мечты о будущем, радости и разочарования первой любви. «Мальчики и девочки» Б. наивно относятся к революции как к чему-то внешнему, что не изменит кардинально их дальнейшую жизнь, которая видится им в духе традиционных идеалов русской интеллигенции. Повесть написана строгим по стилю, простым языком с сознательным включением тогдашнего юношеского сленга. Производимый повестью значительный худож. эффект возникал за счет трагической дистанции между оптимистическими надеждами верящих в будущее юных героев и позицией автора, знающего печальный конец мн. персонажей. Лирическая пронзительность голоса повествователя усиливалась к финалу повести, когда он как бы предсказывал то, что случится с его «мальчиками и девочками»: «Несколько дней — запустеет школа: получают аттестаты, так, никудашные кусочки бумаги, одиночками пойдут по Москве, всем русским городам, по просторной Руси, всей земле — великим и жалким человеческим походом, через человеческие мытарства и утечи — люди дела, денег, люди служения и любви; некоторые никогда не станут людьми, никакими, но всякий будет искать свое счастье, всякий по-своему».

Попытки Б. опубликовать новые произведения кончались неудачей. Продолжались неурядицы с работой. Пришло новое горе: после перенесенных испытаний у Б. начала прогрессировать неизлечимая глухота. Болезнь, одиночество, житейские трудности привели Б. к самоубийству — в ночь с 14 на 15 мая 1933 он принял смертельную дозу веронала, оставив письмо с просьбой не пытаться спасти его. Через сутки его обнаружили живым, отвезли в больницу, где Б. скончался. Похоронен под Парижем на кладбище Тийе.

Смерть Б. вызвала многочисленные некрологи. М. Осоргин в некрологе «Памяти Ив. Болдырева» сожалел о гибели талантливого писателя и отмечал, что «много раз И. А. пытался повернуть свою жизнь под кру-

тым углом; чаще всего мечтал уехать в Африку, не ради экзотики, а чтобы уклониться от общей судьбы — медленного и безнадежного прозябания». З. Шаховская писала, что «его единственная книга „Мальчики и девочки“ — из жизни советской школы — написана свежо и своеобразно. От обладающего в совершенстве русским языком Ивана Болдырева мы могли ожидать многого». А. Ремизов, скорбя о гибели друга, подчеркнул его исключительную творческую требовательность: «Шкотт очень хорошо понимал всю смехотворность и всю жалкость звания „искусственного“ писателя или славу „кинематографического“ мотылька». В составе своего архива Ремизов сохранил оставшиеся рукописи Б., и в частности, черновые ред. повести «Мальчики и девочки», посвященные Б. некрологи, создал рукописный альбом-конволют писем Б. и включил главу «Над могилой Болдырева-Шкотта» в свою книгу «Петербургский буерак».

В истории лит-ры Русского зарубежья Б. остался как автор единственного произведения — повести «Мальчики и девочки», где с большой худож. правдой была отражена одна из малоизвестных сторон духовного перелома русской жизни пореволюционной эпохи.

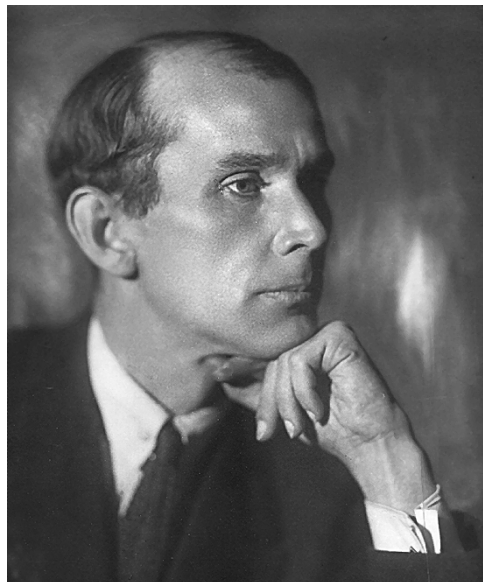
Соч.: Мальчики и девочки. Париж; Берлин, 1929.

Лит.: Ремизов А. Над могилой Болдырева-Шкотта. 1903–1933 // Ремизов А. Встречи. Париж, 1981. С. 272–275; Шаховская З. Иван Болдырев // Шаховская З. В поисках Набокова. Отражения. М., 1991. С. 156–158; Леонидов В. В. Болдырев (Шкотт) Иван Андреевич // Лит. энциклопедия Русского зарубежья. 1918–1940. Писатели Русского зарубежья. М. 1997. С. 77–78; Павловец М. Г. Иван Андреевич Болдырев // Лит. энциклопедия Русского зарубежья. 1918–1940. Книги. М., 2002. С. 98–99.

А. М. Грачева, Л. Я. Дворникова

БОЛЬШАКОВ Константин Аристархович [14(26).5.1895, Москва — 21.4.1938 или 28.1.1940, в заключении] — поэт, прозаик.

Отец, Аристарх Иванович Большаков, окончивший естественный ф-т Московского ун-та и ставший судебнo-медицинским экспертом, имел чин статского советника. Мать — Наталья Францевна, урожденная Гризен. Выросший на окраине Москвы и проникшийся ее провинциальным духом, Б. после окончания 7-й московской гимназии поступил на юридический ф-т Московского ун-та. К тому времени он уже писал стихи и получил напутствие В. Брюсова. В ранних поэтических опытах Б. счастливо уживались

К. А. Большаков

тенденции кубофутуристов (прежде всего Маяковского) и эгофутуриста Игоря Северянина. А первый сб. стихов и прозы Б. «**Мозаика**» одобрил Н. Гумилев (Аполлон. 1911. № 6).

В 1913 Б. опубликовал поэму «**Le futur**» («Будущее») с иллюстрациями «лучистов» Н. Гончаровой и М. Ларионова, которая указом императора была конфискована «за безнравственность».

В творческом развитии Б. сказался и акмеистический опыт М. Кузмина с его культом «мелочей прелестных». Такой симбиоз разнородных худож. течений воплотился в сб. Б. «**Сердце в перчатке**» (М., 1913). В этом году Б. вошел в состав лит. группировки «Мезонин поэзии», где соседствовали и будущий имажинист Вадим Шершеневич, и бывший символист Валерий Брюсов. Эклектизм поэзии Б., им не скрывааемый, наглядно предстал в его дальнейших публикациях — в альм. футуристов и «Центрифуги», где наряду с ним публиковались Б. Пастернак, Н. Асеев, С. Бобров. И тем не менее Б. выделялся среди других. Б. Пастернак, в «Охранной грамоте» все проверявший гением юного Маяковского, отмечал: «Из множества поэтов, которых я видел рядом с ним, Большаков был единственным, кого я совмещал с ним без всякой натяжки. Обоих можно было слушать в любой последовательности, не насилуя слуха. В обществе Большакова за Маяковского не болело сердце, он был в соответствии с собой и не ронял себя».